

Брат и сестра (2)

Мужичок забавлялся стрелять. Жил он в Урале. Он ничем кроме не занимался, все стрельбой забавлялся. И вот они в день ничего не могли застрелить; трое сутки живут голодом. Повéчеру приходит отец с матерью и говорят, отец говорит: «Давай дочь заколем!» — А мать не дает дочь колоть: «Чем дочь колоть, давай сына заколем!» — А отец сына не дает. — «Перетерпим это дело, переночуем! Завтра поутру не застрелим ли какого зверя — питаться? А если не застрелим, тогда кого-нибудь из них заколем!»

Сын это дело слышал — разговоры их — и говорит сестре: «Сестра! Вставай, собирайся, пойдем, если хочешь живая быть!» — «Куды же мы, Васенька, братчик, пойдем?» — «Пойдем мы с тобой в Урал дальше». — Решились они; дальше ушли, очень далёко от своего жилища. Идут и думают: «Господи, никакой зверь не попадет, хоть бы я застрелил» (молодец этот). — И летит вёрхом голубь. Он как направил, голубя застрелил, молодёц. Огня с ними не было. Он закатил (зарядил) кудельный пыж, потом в муравьищо сухое стрелял — муравьищо загорело. — «Сестра, ты покуль щипли голубя, а я еще похожу вокруг это го места — не застрелю ли еще кого?» — Не велел ей отходить от того места уж.

Отошел он не очень далеко и видит: висит на дубу сабля и ремень. Ремень этот ровно как золотом покрытый сияет, больно хорошей, загляну́лся к нему. Потом он залез на этот дуб, снял саблю и ремень, надел на себя — и сделался сыт и силен. От этого дуба ведет тропа. — «Что за тропа? Пойду по этой я тропе». — Немножко отошел, слышит разговоры человеческие. За этакой чащичкой сидели 30 разбойников. Выходит из-за чащички атаман-разбойник и говорит: «Братцы, сёдни никого не удалось нам убить, так давайте лучше вино пить!» Молодец подходит к ним. Атаман-разбойник смотрит: на нем сабля и ремень очень хорошие, и приказал своим товарищам этого человека убить, саблю и ремень снять с него. Васенька не сробел, начал их саблей косить и прирубил всех 30 разбойников и в кучу склал их.

Дальше сам по тропе пошел и натака́лся на их дом. Приходит в дом, нашел там белого хлеба и жаркого; тогда он наелся хорошо тут. Увидел на стене он ключи и пошел по амбарам. Отворил первый амбар, видит — одежды много навешено, а вся в крови. Запирает этот амбар, переходит в другой,

видит — тут довольно всего: муки и орехов, и конфет, у торговых, видно, награблено довольно. — «Лучше того нет: привезти сестру! Нам с сестрой здесь навеки не прожить — всего довольно!»

Пошел он мимо каюты — тут одна каюта лыком завязана, г... запечатана; отворил он дверь, тут шахта; в этой шахте народу (набитого) навалено множество, преет. — «Чем им (убитым им разбойникам), подлецам, на воле лежать, пойду перетаскаю их в эту же шахту, потом за сестрой пойду!» — Перетащил он их всех; потом пошел за сестрой, набрал с собой закусок и орехов сестре. Приходит к сестре; она лежит чуть живая, голодна́. — «Ну, сестричка, пойдем, я дом нашел хороший, нам навеки не прожить! На́ вот тебе пока закуски!» — «Я и жевать не могу!» — Он жует, как малому ребенку, ей закуски; взял сестру на руки (та идти сама не может, обессилела) и понес с собой домой; тогда притащил ее в этот дом, принес ей жарко́го, белого хлеба. — «Ешь, сестра, да немного, чтобы, говорит, — тебя не вздуло с голоду! Походи, да опять поешь, сизпоті́ха».

Жил он с ней трои сутки, никуда не ходил, чтобы ей было не тоскливо в этом дому. Она в трои сутки как есть поправилась, ходить как следует стала. Он нашел ружья, зарядил ружье и говорит: «Сестра, я схожу поохотничаю; ты никуда не ходи!» — Сестра сидела долгое время, увидела на стене ключи и захотелось ей в амбарах узнать, что есть в амбарах. Отворила первый амбар — одежды много в крови; в другой амбар перешла, много всячины довольно. — «Да, брат верно сказал, что нам навеки не прожить!»

Идет мимо этой каюты, опахну́ло ее духом. — «Что тут лежит?» Отворила дверь, заглянула в эту шахту, увидела народ, испужалась и пала. Атаман-разбойник хотя был зарезан, но не вовсе (заговаривался); схватил ее и говорит: «Назови меня мужем!» — «Что ты, брат, мне за муж?!» (Она не может очувствоваться.) Атаман-разбойник говорит: «Я этому дому хозяин! Зови меня мужем! Тебе уже все равно жить!» — Очувствовалась, видит, что не брат; согласилась она его мужем назвать. — «Иди, говорит, — в комнаты! Я буду теперь с тобой разговаривать».

Завел в комнаты. — «А вот что, — говорит, — если я твоего брата застрелю, тебе будет жалко. Мы сделаем иначе. Если твой брат придет, ты ляг тогда на койку, захворай! Попроси у брата лиси́ного сала, а лиса не простая: есть Дар-гора, по этой Дар-горе ходит лиса. Лиса не отпустит его, съест, и ты не увидишь — тебе будет не жалко».

Брат идет. Она свалилась на кровать и застонала; а атаман-разбойник спрятался, виду не подает. Брат приходит, она стонет. Брат ее сожалел. — «Что ты, милая Маша, сестра, захворала знать-то?» — «Да, братец, захворала, очень у меня сердце задавило». — «Кабы я знал, не знаю, куды бы сходил за лекарством полечить бы тебя!» — Она его и посылает: «Поди ты на Дар-гору, на этой Дар-горе бегают лиса; попроси от ней молока, — от него я буду здорова».

Он надел на себя саблю и ремень и отправился на эту гору. Приходит; только заходит на эту гору, бежит к нему лиса. Он перед этой лисой на колени пал. Лиса ему сказала: «Что, молодец, тебе нужно?» — «Мы с сестрой живем в таком-то месте; сестра у меня захворала; молоко твое в пользу ей будет; дай мне молока на излечение». — «А что под молоко принес?» — «Принес я туюс». — Поставил он ее, она ему дала полон туюс. Поблагодарил лису и отправился будто бы домой.

Немного отошел и подумал: «Что же я такому зверю покорился? Только плюнуть бы ее — куды ты, из нее только брызги (потрох) полетит! А я еще начитаюсь богатырь! Дай я ворочусь, все-таки я ее кончу!» — Только подумал, и неоткуль взялись всякого сословия звери, окружили его и хотят его съесть, ходу не дают ему. — «Да, вот я только подумал, а мне уже ходу нет!» — Пал перед ней на колени второй раз: «Прости, лиса, что я худое на тебя подумал!» — Лиса сказала: «Только мне осталось скричать, и разорвали бы тебя самого! Когда же ты мне покорился, даю тебе на сохранение лева-зверя; огладь лева-зверя, сядь на него и поезжай куды знаешь!» — Сел на лева-зверя и поехал к сестре. Приезжает на лев-звере. Атаман-разбойник и говорит его сестре: «Не съела его лиса, а подарок еще ему дала — лева-зверя».

Атаман-разбойник не приказал ей молоко пить: «Ни черезо много время выплесни его за окно и застонай пуще прежнего! Пошли его: есть здесь такая крепость, в этой крепости есть яблонь, с этой яблони яблоко добудешь — так буду здорова!» — Разбойник спрятался, а жена пуще того захворала. Брат опять к ней: «Что же, сестра, неужели я тебе молока принес не в пользу?» — Сестра ответила: «Вот, братчик, от этого боку отвалила, а к этому привалила, как камень, вздохать не могу!» (Обманывает брата-то.) — «Ну, сестра! Кабы знал, не знаю, бы я куды сходил, я еще за лекарством!» — А сестра: «Братчик, сходи же ты сюды, тут есть крепость, в этой крепости есть сад, тут есть яблонь; с этой яблони притащи мне яблоков — и я с них буду здорова!»

Он надевает на себя саблю и ремень, огладил своего лева-зверя и поехал. И стал он до этой крепости доезжать. Не доезжая этой крепости, старичок спустился к нему с небес на воздухе, на сивом коне.—«Что, молодец, получил ли ты от меня подарок? Хорош ли?» — Васенька одумал: «Это непременно сабля и ремень его! — Спасибо, дедушка, на сабле на ремне, хорош твой подарок!» — «Подарил бы я тебе коня из-под себя, только нам с конем обоим помирать скоро. На, еще я дам тебе подарок, дудочку. Знаешь ли ты, как в нее играть?» — «Знаю». — «Ну, знаешь, дак сказывать нечего!» — Распростились. Вася вперед поехал.

Приезжает к этой крепости. Устроена эта крепость 12 сажен высотой и три проволоки протянуты сверх крепости; и на последней проволоке висят там колокольчики-ширкунчики, что уж если ногами заденешь, так услышат. Он круг крепости ездил, нигде ворота не мог найти. (Ворота-то у них в подземелью закладываются.) И сколь ко Ваня ни лезет, не может на крепость залезти, все падает. Лев-зверь глядит, что ему залезть нужно, и показывал ему на свою спину, садиться ему. Сел на лева-зверя.

Лев-зверь разбежался, заскочил на крепость, за последнюю струну задел ногами; перевалился в крепость с Васенькой. Выскакивали 300 разбойников. Покуль он оправлялся, могли они его связать. Приводят к атаману. Атаман сказал: «Молодец, какую ты смерть себе желаешь — на виселицу или живого в могилу закопать?» — Вася сказал: «Лучше меня задавите, скорее мне смерть будет получить; живой в могиле я дольше промаюсь».

Повели его на виселицу: излажены столбы и подлажена петля про него. Он как залез на виселицу и говорит: «Братцы, есть у меня забава; не позволите ли перед последним разом забавить свою душу — поиграть в дудочку?» — «Если атаман дозволит, так и мы дозволим». — Велел он спросить атамана. Атаман сказал: «Если он хорошо играет, не давите его: он будет нас забавлять, будет с нами жить». — Прибегает молодец: «Играй! Если ты хорошо будешь играть, будешь ты оставлен живой, будешь нас забавлять!»

Он заиграл в дудочку — и вышел полк солдат; дунул другой раз — и вышел другой полк солдат. Приказал он солдатам всех перерезать триста разбойников. — «Которая шахта мне приготовлена, их туда перетаскайте в одну грудку, чтобы видел!» Приказал еще поискать, нет ли кого где еще; ладом поискать велел: сумлеваются. Они поискали. — «Больше никого не могли найти!» — ответили.

Он слез, пошел в их комнаты. У них очень хорошие комнаты; у атамана кровать изукрашена всех лучше. Разыскал он в комнате пищи, понаелся и лева-зверя накормил. Увидел он на стене ключи, пошел по амбарам искать их богатство. Заходит в первый амбар: одежды много награблено, — в крови висит; в другом амбаре много денег, чаю, сахару и всего довольно. Перешел в комнату; заглянулась ему атаманова постель: «Дай-ка я полежу, отдохну!»

Лег на кровати, лежит и вдруг — человек состонал. Соскочил Васенька, начал искать, обнажил свою саблю; искал много время, никого не мог найти. Лег он во второй раз — пуще этого опять состонал. Заглянул он под постель, видит: тут западня (вроде — гóлбец). Отпер эту западню, туды ход; спустился с левом-зверем, оба. Комната тама; в этой комнате огонь горит. В этой комнате никого нет; он переходит там в другую еще комнату. В третьей комнате стоит девица на столе, цепями прикована. Девица кричит: «Атаман-разбойник, не стращай! С левом-зверем еще пришел! Не пойду я за тебя замуж!» — Молодец отвечал ей: «Я не атаман-разбойник, я крестьянский сын; явился сюда, а хозяев я перерезал всех; нету хозяев!» — «Когда же ты их перерезал, обрывай мне цепи, выводи меня отсюда кверху!»

Тогда он оборвал цепи, вывел ее кверху. Тогда она и говорит: «Ну, — говорит, — называю я тебя мужем, а ты называй меня женой! Я роду не простого, я царская дочь! А ты человек непоучённый?» — «Я человек непоучённый!» — Васенька взял в понятие: «Когда царская дочь, то этого не будет: отец не отдаст за неучёного замуж!» — На ответ сказала: «Я уж чё сказала, то и будет! Я тебя поучу грамоте, проживем мы здесь с тобой!» — Учила она его день и ночь, и он старался — начал понимать от нее хорошо.

Жизнь ему заглянулась, — «Кабы мне сюда сестру еще достать, так веселее троим жить!» То у него мленье было, чтобы достать сестру. Сходил он в сад за садовым яблоком; запас сотню от них; ночью хочет сходить за сестрой (чтобы жена не знала). Ей не поясняет. Ночным бытóm уснули оба крепко. Поторопился Васенька; не взял с собой ни саблю, ни ремня, ни лева-зверя; только взял с собою яблоки и ушел за сестрой.

Проснулась царская девица, хватилась — с ней мужа нет; кричала в комнатах и во дворе — нигде его нету. Покричала много время, потом сдумала за ним вслед ехать. Лев-зверь привык к ней; огладила она лева-зверя, взяла саблю и ремень, села на лева-зверя и поехала искать его (мужа). Лев-зверь допустил его до разбойникова дому, не догнал Васю.

Увидал разбойник Васю и говорит: «Брат твой идет, с ним ни сабли, ни ремня, ни лева-зверя нет, а идет так, видно, без яблоков». — Сестра на то ему сказала: «Когда у него сабли, и ремня, и лева-зверя нет — силы у него мало; можешь ты его и так убить, в нем теперь силы немного!» — Был атаман могучий; сшиб его и начал по скулам бить его. До той степени его бил..., закричал: «Жена моя Маша! Тащи вилку — выкопаем ему глаза! (Сделаем кривого)». — Притащила вилку, и выкопали ему глаза. Тогда он запирает свою крепость: «Теперь ты слепой, погинешь, с голоду помрешь! Иди куда хошь!..» (А добивать вовсе все-таки он его не стал!)

Атаман-разбойник от него удалился. Подъезжает к нему царская дочь и говорит: «Ох ты, Вася, Вася! Что ты мне не объяснил? Вот я тебе привела лева-зверя, и саблю, и ремень принесла!» «Вот, сестра, я тебя жалею, а ты меня не жалеешь! Выкопала мне с гулеваном глаза!» (Он думает, что это сестра с ним говорит; не опамятовался еще.) Сказала царская девица: «Я тебе не сестра, а жена! Если не веришь, вот пощупай лева — зверь тут, и сабля, и ремень; я тебе привезла». — «Лев-зверь, подойди ко мне! Я поверю». — Лев-зверь подошел к нему. Он огладил зверя и говорит: «Названная моя жена, поедем мы в эту крепость; мы будем Богу молиться там!» — «Милой ладушка Васенька! Поедем мы с тобой к морю! Не будут ли какие попутчики проезжие, не увезут ли в русское государство, домой? — чем нам в Урале жить!» — Он согласен: вези, куда хошь!

Они приезжают с ней к морю, и она выставила флаг. По ихому счастью, бежит корабль, и они кричали во всю голову оба; на них глядя, и лев-зверь кричал. Тогда на их крик подворотил корабль ближе к ним; и этот корабль от нашего же государя: разыскивал ее три года, эту самую царскую дочь (она ездила на гúльбище, с гульбища ее и увезли). Царь посылал на розыски генерала холостого: «Если ты мою дочь найдешь, я за тебя и замуж ее отдам!» — На мель сбежали, отхватили легкую шлюпку и подъезжают к ним на берег. Узнал генерал, что царская дочь, что желали, то, видно, и нашли! — «Садись, заходи в корабль!»

Она Васеньку взяла за руки, тащит. Генерал подскочил, руки ихия расшиб, отпихнул слепого на берег, а ее в лодку посадил. Васенька заплакал: «Ну, названная жена! Теперь я погину на сухом берегу!» — На ответ ему царская дочь: «Как приеду я домой, пошлю об тебе розыски!»

Посидел время много и сказал леву-зверю: «Лев-зверь, вези меня в крепость, где 300 разбойников сидели (а к сестре не вози)!». Лев-зверь предоставил в эту самую крепость. Он день и ночь Богу молился. И питались

они очень хорошо тут. Конечно, Бог его пожалел. Во сновидание ему пришлось, во сне видит: «Ты, — говорит, — Вася, выйди поутре рано на росу, умывай росой глаза и будешь видеть по-старому!»

Не забыл, что видал во сне, Вася; утром встал, Богу помолился и выехал на лев-зверь в сад на разгулку. Заехал лев-зверь в сад, остановился. Вася руку свою намачивал, протирал глаза. А лев-зверь сметил, что он росой умывается, намачивал свою лапу и брызгал ему в рожу (у него лапа мохнатая), все равно как священник кропилькой. Вася проглядывать стал. — «Ну-ка, лев-зверь батюшка, помогай-ка! Я начинаю глядеть!» — Сам старался, протирал глаза лучше. Глядеть стал он по-старому. Тогда он прославил Бога: «Слава Тебе, Господи! Стал я глядеть, теперь я не буду тужить!»

Сел на лева-зверя, поехал свою жену названую искать. Заехал он по пути к атаману и к сестре своей. Атаман-разбойник увидел: «Вон, — говорит, — слепой едет на леве-зверь!» Атаман согласился выехать его убить. А на нем была уже сабля и ремень; соскочил с лева-зверя, иссек его на мелкие куски и сжег его в пепел. В комнаты заходит, сестре своей выкопал глаза, слепую оставил в комнате. Поехал царскую дочь разыскивать.

Приезжает нечаянно в государство, едет городом (где царь наш живет); и выстроены, видит, две крепости (два здания), а на этих крепостях на верхах повешены две человеческие головы. Вася и думает: «Неужели они этому и верят, этими головами молятся?! Дай я зайду спрошу в избу: что, какие это крепости? К чему?»

Заходит в одну избу; живет старик со старухой, только двое. Старик кричит: «Не ходи, не ходи! Куды ты со зверем идешь?» — А он не разговаривает, идет прямо в избу со зверем. Старуха скочила на полати, а старик на печь: испужались, что он со зверем идет. Он зашел, помолился Богу, поздоровался; старик сидит, ничто не говорит, глядит на него. — «Что ты, дедушка, испужалея, залез на печь?» — «Как же мне не пужаться?! Ты со зверем пришел!» — «Мой зверь не пошевелит, не бойся!.. Что же у вас это за здание; али вы этому веруете?» — говорит. — «Нет, не веруем. Это вот что: задает царская дочь задачи подрядчикам, а подрядчики не могут исправить такую крепость, в какой она у разбойников жила; вот подрядчиковы головы и висят».

«Поди, дедушка, подряжайся! Мы исправим, какую ей надо крепость», — старику Вася говорит. — «Где, батюшка, исправить? Я про себя топорища не

умею изладить, не то что нам такую крепость!» — А был старик пьяница; старуха его все и избывает, старика: «Что же, старик, когда тебя посылают, ступай рядись!» Старуха посылает его — «Да, старая сука, ты давно желаешь, с меня чтобы голову сняли! Вишь под чего подводишь!» — говорит. — Сказал Вася: «Ступай, дедушка, не заботься, исправим, будет скорое время исправлена!» — Старик одевался, к царю отправлялся.

Приходит к царю: «Ваше Царское Величество, которую крепость вы желаете с дочерью, такую крепость я исправлю скорым времём тебе!» — «Вот, старик, видел на крепости человеческие головы? Если не исправишь, и твоя голова повесится на эту крепость!» — Старик еще удостоверяет, что «исправлю скорым времём». — Царь сказал на то: «Что тебе денег надо сколько-нибудь?» — «Как же! Как же я без денег буду строить?» — Царь приказал ему воз денег нагрести, без счёту.

Привозит деньги домой и говорит: «Старуха, куды эти деньги?» — Старуха говорит: «У нас сундуков нет, вали вон в угол (в избу) эти деньги!» — Тогда деньги выгребли; уехал подводчик. Старик и говорит: «Куды я теперь? Что будем делать?» — Васенька на то сказал: «Пируй, больше делать нечего старику!» — Старик нагрузил денег везде много, пошел пировать. Старухе долго ждать, когда он пропирует; начала деньги ведрами по сусекам растаскивать. Старик пропьется, больше того накладет (денег), опять идет в кабак.

Приходит старик, видит: денег мало уже остается, повесил голову, задумался. Вася сметил дело: «Что, дедушка, больно ты не весел?» — «Да, денег нету, а мы еще строиться не начинаем. Знать-то, головушка моя погинет!» — говорит. — «Не думай, старик, об этом! Сёдни ляг, проспися, а завтра будем строить!»

До вечера доживает. Вася вышел за город в луга, потом взял дудочку, начинает выдувать из дудочки народу. И столь он народу надул, что сметы нет. Из них один говорит: «Что ты покликаешь нас, на какой работы посылаешь?» — Сказал он им: «Вы мне исправьте такую крепость, в какой крепости триста разбойников убили, в сёднишнюю ночь!» — «Нам не выстроить в ночь; еще прибавь народу, тогда мы притащим ее из Уралу, туё крепость; притащить нам легче будет!» — Набавил народу еще не меньше того; сказали, что теперь довольно будет. — Как притащите крепость, положьте меня на атаманову постель, и старика со старухой тоже в крепость!»

Поутру старик встает и смотрит: «Господи, я куды попал, — знать, в острог!» — Будит свою старуху нещадно: «Старая сука, вставай, мы ведь с тобой в остроге спим!» — Старуха проснулась, видит, что не в своей избе, и говорит: «Старик, где мы теперь с тобой затащены?» — Услыхал Васютка, пробудился, приходит к старику: «Что ты, старик, горюешь? Вот что, дедушка, мы с тобой теперь новую крепость выстроили, в новой крепости лежим!» — «Неужели верно, батюшка?» — «Верно, так!» — Посылает его к царю крепость сдавать; а старухе наташил пряников, орехов и конфетов, начал старуху уважать: не тужи.

Старик приходит к царю: «Прими крепость, я выстроил!» — Царь собрал свою свиту, с дочерью и с женой отправился на приемку крепости. А у царской дочери на разбойницкой дом был плант составлен (по плану угадают или нет выстроить?). Доходят до дому; она развернула плант, на плант смотрит и на дом: верно, эдакой же дом выстроил старик! Царская дочь ударила по плечу старика: «Ну, старик, угадал, знать-то, ты мне крепость выстроил!» — Старик испужался, запнулся, у него из ж..ы г...о уж колышкой пошло; подходит близ дому — уж у него и ноги нейдут: он думает, что голова слетит у него. — Заходит; знает она, где ворота. Где чего было, все тут, как есть! — «Ну, старик, молодец, угадал!»

А генеральский сын говорит: «Теперь, царская княгиня, когда крепость угадали, так значит теперь можно с тобой повенчаться?» — «Погоди, — говорит, — не торопись!» Заходит в эти палаты, в другие. Услыхал лев-зверь, по разговору узнал, что она идет, встречу ей кинулся. Отворила двери — зверь прямо ей на грудь, обрадовался и льстит; а царь испужался: «Что такое, мила дочь, — говорит, — это?» — «А вот, тятенька, — говорит, — если лев-зверь здесь, так и названной мой муж здесь будет!»

Подходит к атамановой постели: Васенька лежит на постели. Разбудила его. Васенька встает, поздоровался: «Здравствуй, моя названная жена!» — «Вот, тятенька, мой муж! — говорит, — я его мужем назвала, как он выручил меня от разбойников!» — Царь приказал ей повенчаться уж, дочери, с Васенькой с этим. А генеральский сын остается так.

Повенчались; попиروвали сколько время. Царская дочь благословила по смерть свою в этой крепости старику со старухой изжить. Они пожили много время. Стал он (Васенька) у ней (у жены) проситься: «Сестру привезти в твое государство дозволяй! Там она пропадет, как падина; ни священников, никого нет». — Царская дочь ему приказала сестру привезти. Он приезжает на лев-звере к сестре своей. — «Сестра! Начинаем мы нынче с

тобой всю ночь Богу молиться, а завтра отправимся в русское государство!»

Всю ночь Богу промолились. Поутру вышли они на утреннюю росу; утренней росой промывали ей глаза. Глаза у нее глядеть стали по-старому. Приводит ее в русское государство, обрядили ее в хорошее платье. Пожила она с месяц, потом направилась как требно быть. Девушка она хорошая. Заглянулась генеральскому сыну — стал он у него сватать ее. Выдал он за генеральского сына.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.

Читайте также русскую народную сказку "[Звериное молоко](#)".